

DOI 10.24412/2587-9820-2021-2-215-222

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСТЕПЕННО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «УЧЕБНИК КРИМИНАЛИСТИКИ»: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

С. Б. Россинский

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье исследуются законотворческие тенденции, направленные на усиление формализации уголовно-процессуального права и выраженные в постепенном введении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации всё большего и большего количества сугубо тактических и технологических правил поведения органов предварительного следствия и суда

При этом автор связывает возникновение и усиление этих тенденций с двумя историческими вехами развития российского уголовного процесса: с периодом становления раннесоветской системы уголовной юстиции (начало 1920-х гг.) и с периодом разработки действующего уголовно-процессуального законодательства (конец 1990-х гг.).

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма; уголовно-процессуальное законодательство; уголовно-процессуальное право; уголовно-процессуальное регулирование; уголовно-процессуальный кодекс.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Россинский С. Б. Уголовно-процессуальный кодекс РФ постепенно превращается в «учебник криминалистики»: случайность или закономерность? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2021. — Т. 18. — № 2. — С. 215—222.

DOI 10.24412/2587-9820-2021-2-215-222

THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IS GRADUALLY TURNING INTO A “TEXTBOOK OF CRIMINALISTICS”: CHANCE OR PATTERN?

S. B. Rossinskiy

Moscow State Kutafin Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation,
e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. This article examines legislative trends aimed at strengthening the formalization of criminal procedural law and expressed in the gradual introduction of more and more purely tactical and technological rules for the conduct of preliminary investigation bodies and the court in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

At the same time, the author connects the emergence and strengthening of these trends with two historical milestones in the development of the Russian criminal process: with the period of formation of the early Soviet system of criminal justice (early

1920s) and with the period of development of the current criminal procedure legislation (late 1990s).

Key words: criminal procedure form; criminal procedure legislation; criminal procedural law; criminal procedure regulation; code of Criminal Procedure.

FOR CITATION

Rossinskiy S. B. The criminal procedure code of the Russian Federation is gradually turning into a "textbook of criminalistics": chance or pattern? *Kriminalistika: vchera segodnya, zavtra* = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2021, vol. 18. no, 2, pp. 215—222 (in Russ.). DOI 10.24412/2587-9820-2021-2-215-222

Известные политические события конца XX в., приведшие к суверенизации Российской Федерации, к новым политическим и социально-экономическим отношениям, к признанию приоритета прав и свобод личности, детерминировали существенное изменение концептуальных подходов к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности. Первые попытки реформирования уголовно-процессуального законодательства, судебных и правоохранительных органов привели к осознанию необходимости дальнейшего развития уголовного судопроизводства по какому-то принципиально иному, собственному «русскому» пути, с одной стороны, отвечающему международным стандартам цивилизованного государства, а с другой — учитывающему национальные традиции и богатый опыт, накопленный в этой сфере за долгие годы. Указанные идеи законодатель и постарался реализовать в принятом в 2001 г. Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), еще сохранившем традиционную преемственность по отношению к «классическому» романо-германскому процессуальному законодательству, в том числе к положениям Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., но вместе с тем впитавшем и целый ряд советских и постсоветских «изобретений».

В частности, в УПК РФ сполна отразились возникшие еще в период формирования раннесоветского процессуального законодательства весьма интересные правотворческие тенденции, направленные на гиперформализацию уголовного судопроизводства и выражаются в стремлении «узаконить» (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем это требует здравый смысл, т. е. постепенно превращают федеральный закон в пошаговую инструкцию [6, с. 101—111], в «памятку» для неграмотных правоприменителей [7, с. 217]. Действующий УПК РФ явно перегружен положениями сугубо технического характера, не имеющими никакого «высокого» предназначения и не обусловленными никакими правовыми гарантиями юридической доброкачественности получаемых результатов, например, нормами, предусматривающими необходимые реквизиты протоколов, постановлений и других уголовно-процессуальных документов — требованиями об указании даты, времени и места их составления, сведений об авторе и др. (ч. 2 ст. 146, ч. 1 ст. 171, ч. 2 ст. 213, ч. 1 ст. 231 УПК РФ и т. д.). В этой связи возникает закономерное опасение, что, если законодатель и далее будет следовать подобным тенденциям, то в скором времени в сферу уголовно-процессуального регулирова-

ния вполне могут попасть правила, устанавливающие марку принтера, используемого для печати следственных либо судебных актов, цвет чернил или степень разборчивости почерка для заполнения их рукописных реквизитов и т. п. И здесь остается лишь порадоваться тому, что в 2007 г. из содержания закона по крайней мере были исключены ранее предусмотренные гл. 57 УПК РФ сами бланки процессуальных документов, т. е. исправлена ошибка, в свое время вообще не выдерживающая никакой критики.

Вместе с тем отмеченные тенденции не ограничиваются лишь «узакониванием» технических правил составления процессуальных документов; они обуславливают и многие другие, может быть, не столь заметные, но тоже достаточно интересные законодательные шаги, предопределяют множество правотворческих решений, использованных как в первоначальной редакции УПК РФ, так и в последующих вносимых в данный кодекс изменениях и дополнениях. Эти шаги заключаются в постепенной формализации (в процессуализации), в постепенном введении в текст закона сугубо тактических и технологических рекомендаций, обеспечивающих эффективность и продуктивность различных процессуальных действий и, по сути, относящихся не столько к предмету уголовно-процессуального регулирования, сколько к предмету криминалистики, судебной экспертологии и других специальных наук, направленных на оптимизацию правоприменительной практики. Иными словами, УПК РФ постепенно превращается в «учебник криминалистики». Например, чем еще можно объяснить обязательные для исполнения требования к процедуре предъявления для опознания, в частности предписание о предъявлении объекта совместно с не менее чем двумя другими внешне схожими с ним объектами (ч. 6 ст. 193 УПК РФ)? Как еще можно обосновать случаи обязательного назначения судебной экспертизы для установления причин смерти или характера и степени вреда, причинённого здоровью (п. 1—2 ст. 196 УПК РФ)? Чем еще объясняется содержание ст. 93 УПК РФ, фактически лишь напоминающей следовательно о возможности проведения в момент задержания подозреваемого личного обыска, т. е. использования одного из тех процессуальных приемов, которые он вправе осуществлять на протяжении всего предварительного расследования? Кстати, в части последнего положения вообще создается впечатление, что разработчики УПК РФ, формулируя содержание процедуры задержания подозреваемого, посчитали, что именно в этот момент следователь (дознатель), имея достаточные основания для производства личного обыска, почему-то забудет о том, что наделен соответствующими процессуальными полномочиями [8, с. 132—134].

Что же явилось причиной появления указанных тенденций? Думается, что ответить на этот вопрос не так уж и сложно. Как уже отмечалось выше, они возникли задолго до начала работы над проектом действующего УПК РФ — еще в начале 1920 г. и во многом обязаны своим зарождением двум основным факторам, повлиявшим на формирование советской уголовной юстиции, в первую очередь органов предварительного расследования.

1. Перераспределение юрисдикционных полномочий между государственными органами, в частности изъятие функции предварительного следствия из судебного ведения и её возложение на «силовые» ведомства. Как известно, дореволюционные механизмы предварительного следствия были сконструированы на основа-

нии «классической» французской концепции досудебного производства и заключались в деятельности судебных следователей при содействии полиции под наблюдением прокуроров и их товарищей (заместителей). Однако известные политические катаклизмы 1917 г. предопределили глобальную реформу всей системы государственного управления, что, в свою очередь, неизбежно затронуло и организацию уголовной юстиции, и порядок реализации соответствующих юрисдикционных полномочий. Детерминированная ленинским лозунгом «Вся власть советам» [5, с. 113—117] советская концепция государственного управления исключала существование автономной и независимости судебной системы, поэтому народные судьи и народные следователи («правопреемники» дореволюционных судей и следователей) были закономерно переведены в подчинение Наркомюста РСФСР (позднее — СССР). В указанный период, — пишет Ю. В. Деришев, — уголовный процесс стал развиваться по вектору подчинения интересам исполнительной власти государства, что было свойственно всем правовым институтам того времени [4, с. 29—30].

Благодаря данным реформам советские правоприменители, обладающие юрисдикционной правосубъектностью, стали рядовыми чиновниками, частицами системы исполнительно-распорядительных органов государства. При таких обстоятельствах все дальнейшие, в том числе кардинальные, реформы уголовной юстиции, в первую очередь органов предварительного следствия, являлись если и не совсем разумными, то, по крайней мере, вполне объяснимыми и понятными. Достаточно вспомнить хотя бы известное и в определённой степени судьбоносное совместное постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР», предполагающее переход следователей из судебной системы в прокуратуру (идеологом данного решения считается А. Я. Вышинский, который настаивал на необходимости низведения следователя до роли «помощника» прокурора по проведению следственных действий [1, с. 459—461; 10, с. 36]). С одной стороны, данный шаг обусловил окончательный отказ от каких-либо попыток реставрации дореволюционной модели предварительного следствия, однако с другой — ввиду нахождения всей уголовной юстиции в ведении единого Наркомюста РСФСР, подобное решение фактически имело не более чем внутриведомственный, организационно-штатный характер, т. е. как бы предписывало перевод сотрудников в иной «главк». Аналогичным образом можно объяснить и создание в 1938 г. полноценного следственного аппарата НКВД СССР (предтечи будущих следственных подразделений КГБ СССР и ФСБ России), а в 1963 г. — следственных отделов и управлений органов внутренних дел: если уж государство создало прецедент и пошло по пути возложения юрисдикционных полномочий на один внесудебный орган, то ничто не мешало предоставить их второму, третьему и т. д. [7, с. 21—46].

2. *Вызванный известными причинами постреволюционный кадровый «голод», отсутствие на службе у советской власти достаточного количества профессиональных и опытных юристов, способных «переварить» весь объем уголовных дел, особенно в условиях резкого всплеска преступности. В этой связи государство пошло на весьма рискованный, но в то же время вынужденный шаг — стало комплектовать органы уголовной юстиции за счет идеологически преданных со-*

ветской власти, но не имеющих надлежащих знаний, умений и навыков категорий лиц: рабочих, солдат, матросов и т. п. Кстати, вполне вероятно, что по той же причине началась постепенная процессуализация работы органов дознания, выраженная в сближении их функций с функциями следователей, в их наделении не сугубо «полицейскими», а юрисдикционными полномочиями, в том числе предполагающими возможность производства следственных действий и собирания полноценных доказательств, равных по юридической силе, доказательствам, полученным следователем или в ходе судебного заседания. В силу малочисленности следственного аппарата — утверждал в середине 1920-х годов известный ученый В. И. Громов — прохождение уголовных дел через органы дознания представляется вполне обоснованным и целесообразным [3, с. 13].

Думается, что именно эти факторы и обусловили постепенную процессуализацию множества криминалистических (тактических и технологических) рекомендаций, обеспечивающих эффективность и продуктивность уголовного судопроизводства. Ведь, с одной стороны, столь жесткая формализация деятельности органов дознания и предварительного следствия, обременение осуществляемых ими познавательных процедур множеством дополнительных юридических гарантий позволила в определённой степени усилить их процессуальную надежность, «компенсировать» внесудебный (исполнительно-распорядительный) характер соответствующих результатов, в частности обеспечить более высокую доброкачественность доказательств, собираемых в ходе досудебного производства, но при этом имеющих изначально равную юридическую силу с доказательствами, полученными самим судом. С другой стороны, возведенные на законодательный пьедестал буквально пошаговые инструкции, во многом превратившие уголовно-процессуальный закон в своеобразную «памятку», позволили добиться еще одного эффекта. В определённой степени они повлияли на обеспечение законности действий и решений лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, но при этом не обладающих надлежащим уровнем профессионализма, правосознания, правопонимания, правовой культуры и другими качествами, необходимыми для осуществления правоприменительной и правоохранительной деятельности, т. е. тех самых бывших рабочих, солдат, матросов и др., пришедших на службу в органы уголовной юстиции после установления советской власти.

Однако представляется не совсем понятным, почему предпринятые раннесоветским законодателем шаги, направленные на усиление формализации уголовного судопроизводства, не были прекращены, а превратились в устойчивые тенденции, которые резко усилились именно в последние годы, оказав и продолжая оказывать существенное влияние на действующий российский уголовно-процессуальный закон. Ведь ни УПК РСФСР 1923 г., ни более поздний УПК РСФСР 1960 г., уже будучи подверженными указанным тенденциям, еще не включали такого большого количества сугубо тактических технологических рекомендаций, сколькими характеризуются нынешнее законодательство. В частности, в УПК РФ была резко усилена формализация не только досудебного, но и судебного производства; появились более содержательные, по сравнению с прежними кодексами, «памятки» по проведению судебных действий, многие из которых вообще возымели отсылочный характер — перенаправляют правоприменителя к правилам осуществления схожих

познавательных приемов в досудебном производстве (например, ст. 288—290 УПК РФ), чем обуславливают большую неопределённость и вызывают множество практических затруднений [7, с. 111].

В этой связи, конечно, можно высказать предположение, что, работая над проектом УПК РФ, его авторы в чем-то уподоблялись раннесоветскому законодателю, а именно в определённой степени исходили из имевшего место в то время кризиса судебной и правоохранительной систем, приведшего к резкому кадровому «голоду». Ведь ввиду известных причин в 1990-е гг. был утрачен престиж соответствующих юридических профессий, осложнены условия работы и сокращено финансирование следователей, прокуроров, судей и т. д., что закономерно привело к оттоку профессиональных и опытных кадров и не могло не повлиять на проводимую государством уголовно-процессуальную политику.

Однако данный кризис все-таки не возымел столь разрушительных последствий, кои были присущи ситуации, сложившейся в начале 1920-х гг. Тем более, что в последнее время государству в целом удалось справиться с кадровым «голодом» и постепенно начать преодолевать последствия кризиса. Тогда как количество вводимых в УПК РФ тактических и технологических рекомендаций, наоборот, постоянно увеличивается. И за примерами далеко ходить не надо. Достаточно вспомнить хотя бы введенные в 2018 г. правила изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий, предполагающие участие специалиста и другие полезные «советы» сугубо криминалистической направленности (ст. 164.1 УПК РФ).

Поэтому более состоятельной представляется несколько иная версия. По всей вероятности, засилье в тексте УПК РФ подобных технических и технологических рекомендаций объясняется опять-таки вызванным известными причинами деструктивным законотворческим климатом конца 1990-х гг. и стремлением российской власти в кратчайшие сроки обновить большое количество законов в условиях сильного давления различных политических, в том числе зарубежных, сил. В этой связи УПК РФ разрабатывался и принимался весьма поспешно, в условиях ожесточенных дискуссий [2, с. 46], без надлежащей доктринальной проработки и четкого осознания перспектив дальнейшего развития уголовного судопроизводства.

Вне всяких сомнений, входящие в группу разработчиков кодекса крупные российские ученые-процессуалисты, конечно, понимали (не могли не понимать) разницы между уголовным процессом и криминалистикой, между «высоким» предназначением уголовно-процессуальной формы и тактическими и технологическими рекомендациями. Однако, будучи чересчур сильно увлечены модными на тот момент трендами развития российского уголовного процесса (правами обвиняемого, презумпцией невиновности, состязательностью, судом присяжных и т. п.), они, видимо, просто не уделяли более «приземленным» вопросам должного внимания, оставляя эту «черную» работу своим коллегам — как правило, представителям практических органов (суда, прокуратуры, «силовых» ведомств), обладающим богатым практическим опытом, хорошо разбирающимся в тонкостях процессуальной «бюрократии», делопроизводства и документооборота, но при этом, к сожалению,

не имеющим надлежащих теоретических знаний либо (что еще более вероятно) считающим их излишними.

При подобных обстоятельствах превращение УПК РФ из закона в «высоком» понимании этого термина в пошаговую инструкцию, в «памятку» для неграмотных правоприменителей уже не выглядит странным, а представляется вполне закономерным. Однако наиболее негативные последствия подобная правотворческая политика вызывает в части постоянно вносимых в текст уголовно-процессуального закона всё новых и новых изменений и дополнений, вообще не предполагающих единой концепции и нередко являющихся следствием лоббирования своих интересов определёнными государственными органами и (или) кипучей энергии отдельных представителей власти, особо не утруждающих себя погружением в тонкости уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики. Кстати, подобные поправки вообще достаточно часто имеют импульсивный характер и рассчитаны не на долгосрочный эффект, а на сиюминутное устранение насущных проблем, на экстренное «затыкание дыр». В своих предыдущих публикациях автор настоящей статьи аллегорически сравнивал одну из таких реформ с кефирной или гречневой диетой, позволяющей за пару недель сбросить несколько лишних килограммов, но в то же время опасной быстрой реакцией — резким увеличением массы тела после окончания режима диетического питания [9, с. 95].

В завершение хотелось бы выразить резко негативное отношение к рассмотренным тенденциям, постепенно превращающим УПК РФ в «учебник по криминалистике» в набор тактических и методических рекомендаций, посоветовать законодателю как можно скорее пересмотреть данный подход к уголовно-процессуальному правотворчеству. Ведь если дознаватель, следователь или судья не обладает достаточным уровнем профессионализма, правосознания, правопонимания, правовой культуры, не владеет необходимыми криминалистическими знаниями и практическими навыками по производству процессуальных действий, по оформлению уголовно-процессуальных документов, то он вообще вряд ли достоин замещать должность в органах государственной власти, предполагающую наделение его юрисдикционными полномочиями. Вместо превращения УПК РФ в пошаговую инструкцию, в «памятку» для неграмотных правоприменителей государству следует менять кадровую политику в отношении своих служащих, назначая на соответствующие должности подлинно профессиональных юристов.

Уголовно-процессуальная форма должна оставаться юридической формой, т. е. иметь «высокое» переназначение, обусловленное соответствующими правовыми гарантиями эффективности и доброкачественности. Поэтому она и требует не просто нормативной, а именно законодательной регламентации, предполагающей особый, усложнённый порядок правотворчества. В то же время сугубо прикладные аспекты проведения процессуальных действий и оформления процессуальных документов в подобной формализации не нуждаются. При необходимости соответствующие тактические или технологические правила и рекомендации могут быть закреплены в ведомственных методических указаниях, направленных на оптимизацию и обеспечение единообразия правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Вышинский А. Я., Ундревич В. С.* Курс уголовного процесса. — 2-е изд. — Т. 1: Судостроительство / А. Я. Вышинский, В. С. Ундревич. — М.: Советское законодательство, 1936. — 564 с.
2. *Гаврилов Б. Я.* Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ / Б. Я. Гаврилов // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): сб. ст. / под ред. Н. П. Кирилловой, Н. Г. Стойко. — СПб.: СПбГУ, 2018. — С. 42—57.
3. *Громов В. И.* Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н. В. Крыленко. — 2-е изд. — М: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. — 299 с.
4. *Деришев Ю. В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю. В. Деришев. — Омск: Омская академия МВД России, 2005. — 436 с.
5. *Ленин В. И.* Апрельские тезисы / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений В. И. Ленина. — 5-е изд. — Т. 31. Март — апрель 1917. — М.: Политиздат, 1969. — 449 с.
6. *Победкин А. В.* Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция / А. В. Победкин // Библиотека криминалиста: науч. журн. — 2017. — № 3. — С. 101—111.
7. *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств / С. Б. Россинский. — М.: Норма, 2021. — 408 с.
8. *Россинский С. Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход / С. Б. Россинский. — М.: Проспект, 2019. — 188 с.
9. *Россинский С. Б.* Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 10. — С. 93—100.
10. *Цветков Ю. А.* Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права / Ю. А. Цветков. — 2015. — № 3. — С. 33—38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права. Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Professor of the Criminal Procedure Department. Moscow State Kutafin Law University (MSLA), 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russia, 125993, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com